

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–231
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–231
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

Научная статья

УДК [821.161.1.09+[94:338.43.02](470+571)]|1907/1909|+929[Толстой+Столыпин]

Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика)

Н. В. Новикова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Новикова Наталья Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Аннотация. Фигура П. А. Столыпина, на плечи которого легла задача аграрных преобразований в стране, остаётся предметом «партийных споров». Как правило, в качестве одного из аргументов «за» или «против» столыпинской аграрной политики привлекается содержание писем Л. Толстого 1907–1909 гг. к реформатору и его единственный ответ. Все эти послания относятся к наиболее напряжённому периоду земельной «революции» в самодержавном государстве, начавшейся только спустя полвека после отмены крепостного права. Сложившаяся эпистолярная ситуация действительно имеет показательный характер, поскольку в ней выявляются взгляды и чаяния двух крупнейших деятелей начала XX в., которые занимали отличные друг от друга позиции относительно решения ключевого для России вопроса – о земле. Автор настоящей работы ставит перед собой цель заново ознакомиться с эпистолярными источниками, разобраться в существе программных позиций каждого из участников эпистолярного общения и, по возможности, в истории формирования этих позиций, выявить этическо-психологическую и интонационную фактуру писем, что должно способствовать воссозданию более точного представления о личностях писателя и политика и об атмосфере эпохи. Одинаково желая блага соотечественникам, порознь Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин, о чём свидетельствуют письма, а также речи премьера на заседаниях Государственной думы, были убеждены в том, что единственно возможный путь достижения этого блага – его. За противостоянием адресанта и адресата стояло противостояние противников столыпинских реформ и их сторонников. Л. Толстой, ратуя за отмену права собственности на землю, за введение «единого налога», силой своего воздействия на современников объективно препятствовал исторически оправданным новациям, исходящим от главы правительства, считавшего необходимым упразднить общину и поощрять крестьянина-труженика, сделав его собственником земли. В письмах отражается драматический накал процесса реализации нововведений и драматическое положение их инициатора и проводника.

Ключевые слова: Л. Толстой, П. А. Столыпин, эпистолярный, речи в Государственной думе, община, единоличное хозяйство, «единый налог», аграрная реформа, крестьянское землевладение и землепользование

Для цитирования: Новикова Н. В. Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–231. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: Land issue (A historical confrontation of the writer and the politician)

N. V. Novikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalya V. Novikova, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Abstract. The image of P. A. Stolypin, who was burdened by the task of agrarian changes in the country, still remains the object of the “arguments of the parties”. As a rule, one of the arguments ‘for’ or ‘against’ Stolypin’s agrarian policy is drawn from the content of L. Tolstoy’s letters of 1907-1909 to the reformer and his only reply. All these letters date to the most intense period of the land “revolution” in the sovereign state, which only started half a century after serfdom had been abolished. The current epistolary situation is really indicative because it reveals the views and aspirations of the two most prominent figures of the beginning of the 20th century, who had different opinions on the solutions of the most significant issue for Russia – the one of the land. The author of the present paper has a goal to study the epistolary sources anew, to sort through the essence of the program attitudes of each of the participants of the epistolary communication, and, where practicable, figure out the history of how these attitudes had been formed; reveal the ethical, psychological and intonation texture of the letters, which should facilitate the recreation of the more precise idea of the personalities of the writer and the politician, as well as the atmosphere of the epoch. Equally wishing well-being to their compatriots, separately L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin were convinced that the way offered by each of them was the only way to achieve this well-being, which is demonstrated in the letters, as well as the speeches of the Prime Minister at the State Duma. The

confrontation of the sender and the addressee was supported by the opponents and advocates of Stolypin's reforms. L. Tolstoy, arguing for the abolition of land ownership, for the introduction of the "single tax", by the strength of his influence on the contemporaries objectively hindered the historically reasonable innovations, proposed by the head of the government, who considered it necessary to discontinue the commune and to encourage the working peasant, by making him the owner of the land. The letter reflects the dramatic intensity of the reform implementation process and the dramatic state of their initiator and leader.

Keywords: L. Tolstoy, P. A. Stolypin, epistolary, speeches in the State Duma, commune, individual peasant farm, "single tax", agrarian reform, peasant land holding and land use

For citation: Novikova N. V. L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: Land issue (A historical confrontation of the writer and the politician). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Критика в адрес П. А. Столыпина, идеолога и организатора аграрной реформы в России, начавшись при его жизни, не умолкает на протяжении уже более ста лет. В ней со всей силой своего убежденческого дара участвовал Л. Толстой. Одним из достоверных источников объективного понимания того, поистине тектонического сдвига служат письма свидетеля и «действующего лица» тех событий. Постараемся заново прочесть два первых письма из четырёх, чтобы почувствовать «градус» эпохи, требовавшей перемен, разобраться не только в программных положениях оппонентов, но и воссоздать более точное представление о личностях людей, творивших историю. Но прежде – абрис столыпинского пути до пересечения его с толстовским.

Итак, с появлением в правительстве П. А. Столыпина начала осуществляться давно назревшая аграрная реформа. Новый премьер-министр вынашивал её, опираясь на семейные предания, на опыт своего деда, Д. А. Столыпина, того самого, который в севастопольскую пору был дружен с Л. Толстым. Тяготение к работе на земле сказалось и в выборе деятельного поприща: будущий глава правительства поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета и получил диплом агронома (1884). Поддержанию его заинтересованного отношения к сельскохозяйственному делу и землеустройству способствовала служба в департаменте земледелия и сельской промышленности министерства земледелия и государственных имуществ (1886). Впечатления деревенской жизни накапливались годами: семья владела имениями в Ковенской, Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях. Кроме того, собственно П. А. Столыпин был владельцем имения в мордовском селе Инсар-Акшино под Рузаевкой, «развитием которого лично занимался. Этим скромным имением с плодородной землёй он дорожил» [1, с. 73].

Существенную роль в понимании необходимости преобразований в жизни преимущественно крестьянской России сыграл и собственный опыт, почерпнутый в бытность П. А. Столыпина сначала гродненским губернатором (май 1902 – февраль

1903), затем – саратовским (февраль 1903 – апрель 1906). Именно в эти годы «закладывался фундамент будущих реформ» [2, с. 8]. Исследователь указывает на то, что о путях модернизации российской деревни, о том, что экономика страны будет расти только через подъём сельского хозяйства, П. А. Столыпин впервые высказался на заседании губернского комитета ещё в Гродно: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъёме умственного развития населения, который настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой – это значит отложить на неопределённое время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъём доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью» [2, с. 8].

«Итак, нужна государственная воля!» [2, с. 8] – резюмирует автор. Ею, в отличие от многих хозяев правительственных кабинетов той переломной эпохи, П. А. Столыпин обладал. Полученный действующим губернатором пост министра внутренних дел, оставленный за П. А. Столыпиным после назначения его, через два с половиной месяца, премьер-министром, открывал ещё большие возможности для воссоздания общей картины положения дел в русской деревне, обеспечивал централизованной фактической базой, вскрывающей характер производственных отношений крестьян и помещиков, и самое главное – наделил властью, необходимой для реализации грандиозных планов. Ко времени вхождения в высший эшелон власти П. А. Столыпин убеждён в насущности реформ, которые должны быть направлены на процветание страны, и первая в этом ряду – аграрная, получившая название «столыпинской» – надо полагать, в признание главенствующей роли премьера, за которым стояла немногочисленная команда единомышленников. Двигателем процесса был, безусловно, он. Реформа затрагивала коренные интересы миллионов тружеников, подавляющего большинства населения огромной державы. Высокие должности давали и соответствующие полномочия, использованные их обладателем исключительно во благо Отечества. Цена титанических усилий, предпринятых реформатором

на этом пути, исторически несправедлива. Но П. А. Столыпина, не питавшего иллюзий на этот счёт, как подлинно государственного деятеля заботило, невзирая ни на что, прежде всего дело, а не судьба собственной персоны.

«Столыпин, – по точному замечанию С. Рыбаса, – должен был успеть, прежде чем погибнет, наверстать упущенное за пятьдесят лет, дать то, что должно было быть дано крестьянину на следующий день после освобождения, то есть 20 февраля 1861 года, – личную свободу и право распоряжаться своей землёй» [2, с. 5]. Суть фактически второго раскрепощения крестьян, как справедливо оценивают предпринятый П. А. Столыпиным шаг, заключалась в том, чтобы законодательно освободить мужика-работника от общинных скреп, дать ему возможность трудиться, будучи хозяином обрабатываемой земли. Сельская община к началу XX в. утратила былую роль и славу, «являлась анахронизмом, сковывавшим личную инициативу» [3, с. 54], тем самым тормозящим развитие сельского хозяйства и страны в целом. Несомненные выгоды кардинальных перемен всероссийских масштаба и значимости П. А. Столыпин очертил ещё в 1904 г. во Всеподданнейшем докладе, посланном государю из Саратова: «Естественным противовесом общинному порядку является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [3, с. 55–56].

Процесс ломки многовекового уклада не обещал скорых и безболезненных результатов, «одним росчерком пера упразднить общину» [3, с. 57] не решался и государь, однако 9 ноября 1906 г. он, уверовавший в честность и бескорыстие нового главы правительства, всё-таки завизировал указ, получивший рутинно-бюрократическое обозначение: «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». По нему «крестьяне получали право выхода из общины и укрепления земельного надела в частную собственность. Надел выделялся одним массивом – отрубом. При желании отрубник мог полностью разорвать с опустылевшей общиной и перенести своё хозяйство на хутор» [3, с. 57–58]. Таким образом совершался крутой поворот в аграрной политике государства.

В первом же выступлении П. А. Столыпина в качестве председателя Совета министров, состоявшемся на заседании Второй Государственной думы 6 марта 1907 г., он останавливается в первую очередь на «законах об устройстве быта крестьян» и терпеливо объясняет их содержание: «В целях достижения возможности выхода крестьян из

общины издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причём устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда» [4, с. 289]. Премьер-министр говорит от имени правительства, «сознающего свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие» [4, с. 304]. Он «убеждён, что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды» [4, с. 306].

10 мая 1907 г. в специальной речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности П. А. Столыпин посвящает депутатов в свои раздумья о настроениях в обществе, заинтересованном в переменах: «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым большим. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту» [4, с. 307]. О том, в какой обстановке приходилось отстаивать планы, жизненно важные для всей страны, своей новизной не только настораживающие, но и пугающие, можно судить хотя бы по такому фрагменту названной речи: видя, «как мало шансов сблизить различные точки зрения», оратор готов «встать на чисто государственную <...>, отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу», обходя «все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства», не останавливаясь «на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть», «на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам» [4, с. 308]. Он считает бесперспективными намерения депутатов, отверженных «той картине, которая наблюдается в наших сельских обществах, той необходимости подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимости постоянного передела, невозможности для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определённой отрасли хозяйства» [4, с. 311].

Средоточием столыпинской аграрной политики являлась фигура крестьянина-собственника. Глава правительства неустанно, подвижнически

проводил эту идею в жизнь, предельно доходчиво разъясняя её плодотворность, стараясь дойти до каждого. В речи перед депутатами Третьей Государственной думы, датированной 16 ноября 1907 г., звучат, к примеру, искренние, прочувствованные слова, начисто лишённые официального тона: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы. (*Рукоплекскания в центре и справа*). <...> Правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врождённому у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное чувство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретённых в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесёт в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится в настоящую, которая, конечно, складывается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма» [4, с. 332]. Неслучайно стенограмма речи фиксирует после этих слов «рукоплекскания в центре и справа» и «возгласы “браво”» [4, с. 332].

В контексте приводимых П. А. Столыпиным доводов в защиту разработанной им программы аграрных преобразований нельзя не сослаться ещё на одно его признание, сделанное перед думами и адресованное, по существу, всем небезучастным соотечественникам: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришёл к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная чёрная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, но его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия! (*Аплодисменты справа*)» [4, с. 322]. Упорным созиданием её П. А. Столыпин и был неотступно озабочен на протяжении пяти с небольшим лет, когда ему довелось стоять у руля государственной власти.

Справедливости ради следует сказать и о том, что оказалось не предусмотренным: по большому счёту, не принималось во внимание потенциальное воздействие на мужика агитаторов от разных партий, не разделявших или вовсе отвергавших концепцию премьер-министра; не были в полной мере учтены степень «живучести общинных порядков» [3, с. 66] и психология крестьянина, как лентяя, так и труженика. Последние небезосновательно осторожничали: по существующим данным, «за весь период реформы правом выхода из общины воспользовалось немногим более двух миллионов крестьянских хозяйств» [3, с. 63]. В итоге, «несмотря на правительственную поддержку, хуторянам приходилось туго. <...> Банковскими ссудами воспользовались немногие. В довершение всех бед 4/5 сельского населения, сохранившие верность общине, проявляли откровенную враждебность к отрубникам и хуторянам. Сказывалась та самая страсть русского человека “всех уравнивать, всех привести к одному уровню”, на которую сетовал Столыпин ещё в Саратовской губернии. Община неохотно отпускала своих членов» [3, с. 63]. Со всех сторон противодействие стольпинской реформе было неимоверно велико, противников у неё было больше, чем сторонников, даже среди тех, ради кого она совершалась.

Особое место среди них, не принявших стольпинскую линию решения земельного вопроса, занимал Л. Толстой. Фактически он был предрасположен к противостоянию ещё до выхода П. А. Столыпина на арену истории как человека, призванного и способного её вершить. Об этом свидетельствует пафос толстовских статей: «Рабство нашего времени» (1900), «Великий грех» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1905–1906), «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906), «Что же делать?» (1906). Л. Толстой трижды, в частном порядке, писал инициатору и обоснователю реформ. Первое письмо было датировано 26 июля 1907 г. Спустя месяц, не получив ответа, он напомнил о себе через брата министра, журналиста «Нового времени» А. А. Столыпина, который 2 сентября ответил писателю, приложив короткую записку Петра Аркадьевича. К слову сказать, А. А. Столыпин занял сторону брата, единомышленником его был и другой брат, Д. А. Столыпин, автор публицистических работ «Арендные хутора» и «Земледельческий порядок до и после крепостного права», главный вывод которых согласовался со стольпинской позицией: «корень экономических бед российского хозяйства таится в крестьянской общине, она сдерживает развитие, её необходимо разрушить» [2, с. 5]. Второе письмо Л. Толстого главе правительства

датируется 28 января 1908 г., третье – 30 августа 1909 г. (оно осталось неотправленным). Письма эти впервые опубликованы частично в Юбилейном сборнике 1928 г. [5, с. 91–95], полностью они вошли в последние тома юбилейного Собрания сочинений Л. Толстого 1928–1958 гг., в последующих изданиях сочинений писателя даются избирательно (к примеру, в наиболее полное из них – Собрание сочинений в 22 т. 1978–1984 гг. – включено только третье письмо).

Готовность по-державински «истину царям <...> говорить», проистекающая из повышенного чувства нравственной ответственности, была присуща Л. Толстому и прежде: достаточно вспомнить письмо к Александру III после гибели от рук народовольцев его отца, взывающее к милосердию по отношению к террористам; письмо к Николаю II от 16 января 1902 г., которое, кстати, имеет прямое отношение к нашей теме. «Любезному брату» [6, с. 502], царствующей особе напрямую, без обиняков говорилось так, как непозволительно было никому из смертных: «Весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, то есть уничтожения права земельной собственности. И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство. <...> Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какую было крепостное право 50 лет тому назад» [6, с. 506–507]. С неподдельным простодушием заканчивается это послание пожеланием государю «сделать то, что вам скажет бог, то есть ваша совесть» [6, с. 508]. Знаменательно и заключительное признание: «Руководило мною только желание блага русскому народу и вам. <...> Я сделал то, что считаю своим долгом» [6, с. 508]. В этом – весь Л. Толстой, великий художник и человек, взывающий добра и справедливости, не умаляя себя перед сильными мира сего. Существенная деталь: письмо осталось без ответа.

Забегая вперёд, скажем, что взволнованные речи живого классика отечественной литературы, взгляды которого на основы социального и духовно-нравственного бытия увлекли за собой массы соотечественников, не были услышаны в высоких кабинетах, ни одно из персональных обращений писателя к властям не возымело действия, не привело к желаемым результатам, равно как и пропитанная энергией его духа публицистика 1890–1900-х гг. И, тем не менее, он не отступал, упорно продолжая жить «стремлением деятельным и постоянным к <...> одной цели», «общей и полезной» – духовной [7, с. 14]. В. М. Чернов,

идеолог партии социалистов-революционеров, к слову сказать, в своей политике делавших ставку на крестьянскую общину, вспоминая «дни великих потерь, <...> между ними – день смерти Толстого», писал: «Такие дни способны давать толчок пробуждению общественной совести» (курсив автора. – Н. Н.) [8, с. 67]. Очевидно, что толстовский авторитет, складывавшийся десятилетиями, ко времени противостояния писателя с политиком был, несомненно, выше, чем у только приступившего к обязанностям председателя Совета министров.

Л. Толстой «считал своим долгом», что закономерно для него, достучаться до сознания человека, в руках которого действительно было будущее России. Видимая приватность посланий П. А. Столыпину не только не исключала, а, напротив, предполагала эффект общегосударственной пользы, и не злободневной, а судьбоносной, вровень с проблемами, которые писатель выдвигал перед премьер-министром. Уже в первом письме с самого начала он убирает все барьеры между собой и адресатом, выражает все взаимно-исключающих точек зрения по острейшему вопросу внутрироссийского обустройства должны протянуть друг другу руки и доверительно друг к другу отнестись: «Пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь» [9]. Л. Толстой заявляет о том, что его в высшей степени тревожит, – о «недовольстве народа неправильным распределением земли» и о том, что на «доходящее до озлобления недовольство народа» опираются «революционеры всех партий» [9]. Автор письма склонен думать, что его «брату», «энергическому человеку» экстраординарного «положения», уничтожить «революционное раздражение» «возможно», в противном случае «недовольство крестьян земельным устройством» чревато «зачинающимся пожаром» [9]. По мысли Л. Толстого, катастрофы можно избежать, если «содействовать уничтожению давней, великой, общей всем народам жестокой несправедливости земельной собственности, сделать истинно доброе дело и самым действительным средством – удовлетворением законных желаний народа успокоить его, прекратив этим те ужасные злодеяния, которые теперь совершаются как со стороны революционеров, так и правительства» [9]. Вне всякого сомнения, другая «дорога» для П. А. Столыпина как государственного мужа – «начатая <...> деятельность не только участия, но и руководства в ссылках, каторгах, казнях», с опасностью тем самым «повредить своей душе» [9], должна быть закрыта. При этом Л. Толстой, стремясь убедить своего оппонента, совершенно искренне обраца-

ется к нему в доверительном тоне: «Пишу Вам, Пётр Аркадиевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга» [9].

В восприятии Л. Толстого, «любезный Пётр Аркадиевич» оказался «на страшном распутье: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идёте, – пишет он, – дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога – дорога благородного усилия, напряжённого осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей» [9]. По Л. Толстому, небезразличный ему человек оказался в ситуации уготованного временем трагического выбора, а поскольку он облечён сильной властью, значит, от его выбора зависит то, по какому пути пойдёт страна. Автор письма вызывает к уму и сердцу прирождённого государственника. При этом публицистически неотразимо и вместе с тем однозначно принимается во внимание только внешняя сторона происходящего, в обозреваемый круг явлений не входят объективные причины и обстоятельства, оставшиеся за кадром: глава правительства вынужден был стать острее орудия во имя сбережения дела, которому себя посвятил; он мужественно отвечал на вызовы времени, которые опрокидывали его собственную репутацию, – не она заботила его в ту «историческую минуту», когда, по его же словам, «действия должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины» [4, с. 306].

Растиражированные образы «стольпинских галстуков», «стольпинских вагонов» – порождение антистольпинской кампании, и Л. Толстой оказался в разномастном стане тех, кому было выгодно устранить реформатора – для этого были хороши любые средства. П. А. Столыпин знал, на что шёл, и запомнившееся думцам «Не запугаете», произнесённое им с трибуны первого же их заседания, в котором он участвовал в качестве председателя Совета министров, ни у кого не оставило сомнений: «вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли» [4, с. 306] при П. А. Столыпине не удастся. Л. Толстой, как приверженец идеи ненасилия, не постигает монолитности стольпинской натуры; им не делаются поправки и на учиняемое «людьми, близкими к населению», как отозвался бы А. Аверченко о выслуживающихся исполнителях. Писателю достаточно было вопиющей жестокости текущего дня, перед которой он не считал позволительным «молчать», чтобы заставить премьера принять единственно правильное, по его мнению, решение: «Неужели возможно колебание?» [9]. Всеобщее спасение, по убеждению Л. Толстого, должно было принести опять-таки «уничтожение земельной собственности»: именно это «есть

первая настоятельнейшая мера, без исполнения которой невозможно никакое изменение к лучшему общественной жизни» [9].

Исключительным благом для России, терзаемой «земельной собственностью», Л. Толстой признаёт и «осуществление единого налога» [9], который он оценил благодаря знакомству с книгой «Прогресс и бедность» американского экономиста и публициста Генри Джорджа. «Сторонником земельной реформы в духе Генри Джорджа и его системы единого налога» [6, с. 651] писатель становится ещё с 1885 г. [6, с. 54]. Более того, в 1891 г. он относит названный труд к «сочинениям, произведшим впечатление» [6, с. 230], в 1894 г. Генри Джордж присылает ему «все свои книги» [6, с. 307], они в прямом смысле слова становятся настольными. Упоминаниями о Генри Джордже пестрит дневник писателя. Перечитав его «Избранные речи и статьи» в переводе С. Д. Николаева, 16 апреля 1905 г. он делится впечатлением: «и вновь восхищён» [10, с. 196].

В рассуждениях американца, нетипичного русского помещика, каковым Л. Толстой с его «мыслью народной» и являлся, могло подкупить, скорее всего, узнаваемое, внутренне близкое: «...основной причиной бедности народа является лишение его земли» [6, с. 652]. Кроме того, впечатлил писателя и внятный, на первый взгляд, рецепт избавления от этой бедности: «национализация земли буржуазным государством (без ликвидации частного землевладения) и изменение системы налогов», что должно привести «к всеобщему достатку» [6, с. 652]. 2 сентября 1906 г. в дневнике Л. Толстого появляется запись: «Говорят и спорят о системе Генри Джорджа. Дорога не система (хотя я не только не знаю, но не могу себе представить лучшей), но дорого то, что эта система устанавливает общее и равное для всех людей отношение к земле. Пускай найдут лучшее» [10, с. 218]. Именно у Генри Джорджа Л. Толстым был найден ответ на узловую вопрос существования аграрного по сути государства. Перспективы не могли не завораживать, но до предметной оценки системы предложений своего кумира писателю земли русской было далеко, а в то, насколько она применима к утвердившимся реалиям деревенской России, он вряд ли вникал. Однако с упорством и безоглядностью проповедника Л. Толстой как «лучшее» рекомендует её П. А. Столыпину – в противовес его системе, точнее – взамен её, кардинально отличающейся от «толстовской». Повторимся: в ходе реализации в ней действительно вскрылись изъяны, но в целом стольпинская аграрная программа не нуждалась в специальной подгонке, поскольку создавалась она на месте и, что принципиально важно, не в четырёх стенах.

Наэлектризованность толстовского тона снижается к концу письма, писатель увещивает своего корреспондента: «Только начните это дело, и вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет всё стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения. А когда эта сила будет с Вами, очень скоро само собою уничтожится, рассеется то растущее озлобление и озверение народа, которое так тщетно пытается подавить правительство своими жестокостями» [9]. Заканчивается письмо и вовсе примиряюще: «Пожалуйста, простите меня, если Вам покажутся резкими выражения этого письма. Я писал его от души, руководимый самым хорошим, любовным чувством к Вам» [9]. Сомневаться в этом не приходится, как и в том, что писатель, силой своего воздействия на общественное сознание, объективно препятствовал столыпинским новациям.

Сразу следует оговориться, что эпистолярный диалог двух подлинных героев времени не сложился: было бы большой натяжкой признать ответное письмо П. А. Столыпина, датированное 23 октября 1907 г., продолжением разговора или хотя бы попыткой его. Иллюзий по поводу полноценного диалога нет и быть не может. В конце письма недавний толстовский адресат признаётся: «Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. <...> Сознаю, что всё это пишу Вам напрасно – это и было причиной того, что я Вам не отвечал» [5, с. 92]. Однако, несмотря на то что Л. Толстой демонстрирует полное непонимание и непризнание аграрной политики П. А. Столыпина, позволяет себе нелестные, оскорбительные характеристики в его адрес, тем самым побуждая к одному – игнорированию оппонента, обращение последнего к писателю состоялось. Мотивируется оно несколькими причинами, среди которых потребность полемизировать, совместными усилиями ища истину, исключена. Спор как таковой между Л. Толстым и П. А. Столыпиным в сложившейся ситуации попросту непредставим: автор письма отдаёт себе отчёт в том, что даже подобие диалога невозможно, так как участники его, судя по всему, будут говорить на разных языках. Проявляющаяся в данном случае самодостаточность главы правительства свидетельствует о неколебимой его убеждённости в собственной правоте, в зрелости новаторской идеи преобразований, в оптимальной пригодности государственного курса.

Скорее, сам факт отклика со стороны премьера – знак уважения к деду, благодаря которому его сослуживец, к тому же начинающий писатель,

вошёл в семью «домашним образом». Кроме традиции воспитания – и в русле её – в ответном шаге проявились и подобающая вежливость, и нерастраченное уважение к писателю («Вы мне всегда казались великим человеком» [5, с. 92]), неподдельное благородство и самоуважение: нарушать приличия не принято, равно как, из соображений чести, принято поднимать брошенную перчатку. По всей видимости, так расценивается эпистолярный жест Л. Толстого: «Не думайте, что я не обратил внимания на ваше письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело» [5, с. 91]. П. А. Столыпин предельно чётко изъясняется на сей счёт, не делая скидок на авторитет собеседника, ибо к сфере его деятельности таковой приложимым не ощущает: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” на землю у крестьян создаёт всё наше неустройство» [5, с. 91]. На первый взгляд, эту внятность нарушает один штрих – «мне кажется». Но, пожалуй, здесь это означает персонализацию огромной ответственности и отнюдь не является признаком неопределённости, неуверенности, хотя чуть ниже, передавая ощущение от допускаемого соположения с Л. Толстым, он не скроет: «Я про себя скромного мнения» [5, с. 92].

И далее пишущий с завидной простотой и твёрдостью, логически прозрачно излагает квинт-эссенцию своей программы. Надо полагать, он делает это не с целью переубедить Л. Толстого, открыть ему глаза на то, что на самом деле в настоящий момент требует вложения ума и души – он дорожит своим детищем, если не сказать больше, и прозревает его плоды, поэтому не считает обременительным о нём говорить: «Природа вложила в человека некоторые врождённые инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землёю. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нём врождённого чувства собственности ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь – то же крепостное право, – за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю» [5, с. 92]. Здесь есть всё то, о чём неоднократно говорилось

с трибуны, публично, и вместе с тем камерная интонация, органичные вкрапления просторечной лексики позволяют увидеть в программном по сути заявлении лицо человека, не умогнительно теоретизирующего, а близко стоящего к мужику, понимающего нужды труженика, мыслящего по-крестьянски, а при наличии энергии государственника – «вечного работника» на том «троне», который был доверен ему государем. Ассоциации с пушкинским героем в данном случае не идут вразрез с характером деятельности героя земельной «революции».

П. А. Столыпин касается в своём письме и «учения Джорджа», «не отвергая» его, даже предполагая, что «со временем» «единый налог» «поможет борьбе с крупною собственностью» [5, с. 92]. Заметим: вместе с письмом премьер-министр получил от Л. Толстого книгу Генри Джорджа «Общественные задачи» с предисловием писателя и брошюру «Письмо крестьянину о земле», в которых излагал программу решения земельного вопроса [9]. «Но теперь», с точки зрения реформатора, надлежит сосредоточиться на безусловно насущном: «Я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, то есть паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови» [5, с. 92]. Столь неожиданно-сермяжная аттестация, по идее, содержит намёк на закономерную поэтапность становления мужика как крепкого сельского хозяина и указывает не на противоречие самому себе, а всего лишь на уместный случай употребления премьером той лексики, которая была в ходу у его ругателей, создававших потенциальному владельцу земли и работнику на ней самый непривлекательный, отталкивающий «имидж». В связи с этим сошлёмся на один показательный пример: даже у М. М. Пришвина, инженера-землеустроителя по образованию, страстного агронома, которого никак нельзя заподозрить в незнании жизни российской глубинки, в непонимании аграрных отношений, промелькнуло, причём в дневниках последних лет: «Столыпин, истративший жизнь свою на устройство кулаков-единоличников» [11, с. 321].

Раз и буквально навсегда, явственно, исчерпывающе изложив писателю свою точку зрения на земельный вопрос, П. А. Столыпин исключает вариант эпистолярного повторения сказанного, ибо ни при каких обстоятельствах оно не будет подвергаться им пересмотру. В конце письма

П. А. Столыпин возвращается к изначальной толстовской мысли о его предназначении, перед загадкой которого он и сам не раз останавливался. Это – единственная точка схождения между авторами писем. И она приоткрывает то, что находится за антагонизмом программных выкладок. По-своему реагируя на этот пассаж, премьер, как будто необъяснимо раскрепощаясь, позволяет себе проникновенное по эмоциональному наполнению, по тону и смыслу высказывание: «Меня вынесла наверх волна событий – вероятно на один миг! Я хочу всё же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили её в старину» [5, с. 92]. Высоким слогом, отвечающим уникальности момента, одухотворённо и торжественно, но вместе с тем – с сердечной теплотой и без тени самолюбования П. А. Столыпин говорит о том, о чём, как он знает, не принято говорить вслух (кому как не Л. Толстому была ведома «скрытая теплота патриотизма»). Глава правительства истолковывает своё избранничество не как дарованное свыше превосходство над всеми, а как великое труженичество, в котором себе не принадлежишь. Он словно помогает Л. Толстому «дойти до сути» в понимании того, кем является. Слово забывает о том, что перед ним – убежденчески чуждый человек, не внушающий надежды на взаимопонимание.

И различая себя на гребне этой «волны», этого призывания, П. А. Столыпин посвящает Л. Толстого в коллизию своего положения, которая лично для него не является дилеммой: «Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путём» [5, с. 92]. На пронзительной ноте, делясь сокровенным, он заканчивает общение с тем, с кем заведомо не сойдётся. И эту откровенность, непредсказуемую в логике заочной встречи двух интеллектуальных и нравственных колоссов, можно, пожалуй, объяснить тем, что она исходила от человека, действительно чувствующего себя у последней черты и в глазах властителя дум не желающего остаться в ложном свете.

Тяжело переживая абсолютное непонимание со стороны «яснополянского старца», автор письма закончит его по-христиански, зеркально отражая финал толстовского письма: «Простите. Ваш П. Столыпин» [5, с. 92]. В рассмотренных письмах отражается драматический накал процесса реализации в России аграрных нововведений и поистине драматическое положение их инициатора и проводника. Не прячась от опасности не

только моральной, но и физической расправы, этот недюжинный деятель не сойдёт с непроторённого пути, не изменит себе, до конца сохраняя верность призванию. Но удивительно то, что предложенная П. А. Столыпиным реформа на поверку уходит своими корнями ... в художнический мир Л. Толстого, в созданные им картины деревенской жизни, в его индивидуально-творческий анализ отношений землевладельца и крестьянина, встающие со страниц рассказов «Утро помещика» (1856) и «Много ли человеку земли нужно» (1886), а также романа «Анна Каренина» (1876). Не будет лишним в этом разобраться.

Список литературы

1. Сидорович Г. П. Лев Толстой против Петра Столыпина. Спор о земле // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 4 (36). С. 72–78.
2. Рыбас С. Ю. Столыпин. М. : Молодая гвардия, 2009. 420 с.
3. Степанов С. А. Столыпин – история убийства. Жизнь и смерть ради России. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 448 с.
4. Избранные речи Столыпина в Государственной Думе // Степанов С. А. Столыпин – история убийства. Жизнь и смерть ради России. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. С. 286–361.
5. Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник / собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 440 с. (Труды Толстовского музея).
6. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М. : Художественная литература, 1984. 879 с.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 21. Дневники. 1847–1894. М. : Художественная литература, 1985. 575 с.
8. Чернов В. М. Не вовремя родившийся // Заветы. 1912. № 1. Отд. II. С. 37–67.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 77. Письма, 1907 г. URL: <https://bookshake.net/r/pss-tom-77-pisma-1907-g-lev-nikolaevich-tolstoy?page=88> (дата обращения: 01.02.2022).
10. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 22. Дневники. 1895–1910. М. : Художественная литература, 1985. 559 с.
11. Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. СПб. : Росток, 2016. 736 с.

Поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 15.02.2022